

57
2

XXIV 31
12

16 вкл.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

стр.

Дмитриевъ С. Е. Отчеты о поездкахъ въ Закавказье и въ Чилики

ИЗВѢСТІЯ

Корольковъ Б. Я. Каратагское землетрясение 8-го октября 1907 г.

Туркестанскаго Отдѣла

Сикора І. І. О памятникахъ Улугъ-Беку

Лешинъ Императорскаго Сары-Даръ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Русскаго Географическаго Общества.

ТОМЪ IX
1913

ХIII - 799.

ТАШКЕНТЪ
ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ В. М. ИЛЬИНА
1913.

Отъ Чиназа до Перовека по Сыръ-Дарьѣ.

Поставивъ себѣ цѣлью всесторонне, на сколько было въ силахъ ознакомиться съ Сыръ-Дарьей, этой большой рѣкой Арало-Каспійскаго бассейна—съ своеобразнымъ характеромъ ея береговъ, съ флорой и фауной ея долины, съ условіями быта прибрежныхъ жителей въ настоящее время, а также и съ тѣми памятниками далекаго прошлаго, которые сохранились донинѣ на ея берегахъ въ видѣ одинокихъ и пустынныхъ развалинъ.

29 мая 1911 года наша экспедиція, состоявшая изъ Н. А. Заруднаго, М. В. Лаврова и меня, выѣхала изъ Ташкента на Вревскую, а оттуда на трехъ арбахъ (съ нами былъ еще препараторъ Н. А. Заруднаго и до 50 пудовъ багажу) въ Чиназъ, гдѣ насъ уже давно ожидалъ заранѣе заказанный каюкъ. Послѣдній представлялъ большую плоскодонную лодку 11½ аршинъ длины съ прямолинейнымъ обрѣзомъ кормы, въ 3½ аршина ширины въ верхней части и въ 3 аршина по днищу. На полу находилась настилка изъ досокъ, чтобы проходившая въ щели вода не мочила нашихъ вещей и насъ самихъ. На кормѣ былъ устроенъ ящикъ для припасовъ и снаряженія; по бортамъ лавки для насъ, и на носу для гребцовъ. Чиназъ—одинъ изъ старыхъ поселковъ; онъ очень хорошо извѣстенъ Ташкентскимъ охотникамъ и рыболовамъ.

Много любопытнаго заключаетъ въ себѣ жизнь этого, издавна на своемъ вѣку виды, селенія.

Когда не было еще желѣзной дороги, и Ташкентъ соединялся съ Самаркандомъ почтовымъ трактомъ, проходившимъ черезъ Чиназъ, здѣсь былъ паромъ. Благодаря большому движенію на Самаркандъ и обратно, онъ

давалъ хорошій доходъ, охота и рыбная ловля еще болѣе увеличивали этотъ легкій заработокъ. Чиназцы понемногу привыкли къ легкому труду и облѣнились. Но вотъ настали другія худшія времена: прошла желѣзная дорога, въ устьѣ Сыръ-Дарьи развились крупные рыбные промыслы, паромъ пересталъ давать прежній доходъ, рыба стала ловиться хуже, дичь всю по-выбили. Волей-неволей наиболѣе активные элементы должны были покинуть когда-то теплое насиженное гнѣздышко и искать заработковъ въ другихъ мѣстахъ, а оставшіеся «лодыри», какъ зовутъ чиназцевъ въ округѣ, остались на прежнемъ пепелищѣ и поддерживаютъ свое существованіе кое-какъ, кто чѣмъ можетъ. Грустное и тяжелое впечатлѣніе производятъ полуразвалившіеся дома, то здѣсь, то тамъ попадающіеся по краямъ чиназскихъ улицъ; брошенные своими хозяевами, они съ нѣмой укоризной говорятъ намъ о другихъ болѣе славныхъ временахъ и въ то же время какъ бы являются олицетвореніемъ настоящаго.

31-го мая при довольно рѣзкомъ с.-с.-з. вѣтрѣ, сбромъ отъ пыли небѣ и при сильномъ подъемѣ воды мы покинули Чиназъ, рассчитывая къ концу іюня добраться до Аральскаго моря.

Въ устьѣ Чирчика по лѣвой сторонѣ раскинулся большой островъ съ остатками густого первобытнаго лѣса, захватывавшаго прежде большія пространства, теперь же въ большой части вырубленнаго и сохнанившагося только на этомъ островѣ. Изъ густой чащи слышится несмолкаемый гамъ его безпокойныхъ пернатныхъ обитателей — кваквъ (*Nicticorux griseus*), грачей (сочахъ) и воробьевъ.

Могучая рѣка Туркестана предстала передъ нами во всей своей оригинальной и дикой красотѣ, какъ только мы въѣхали въ нее.

Первое время вблизи Чиназа берега Дарьи носили на себѣ явные слѣды культуры — многочисленные кишлаки и базарчики, хлѣбныя и хлопковые поля — свидѣтельствовали о присутствіи здѣсь многочисленныхъ людей.

Но уже за Куркелесомъ мѣста дѣлаются болѣе дикими, болѣе само-бытными и нетронутыми: это не значить, что дальше берега Дарьи дѣлаются совершенно необитаемыми, совсѣмъ нѣтъ; жизнь есть, но эта жизнь проще, примитивнѣй, ближе къ окружающей природѣ...

На второй же день нашего путешествія, т. е. 1-го іюня мы остановились въ большомъ тамъ тамариксовомъ тугаѣ — Джаманъ-тугаѣ, получили

возможность ознакомиться съ одной изъ самыхъ интересныхъ и красивыхъ растительныхъ формаций Сыра. Песчано-глинистая почва покрыта густыми зарослями крупныхъ цвѣтущихъ кустовъ гребенчука—*ta-marīka*. Сѣро-зеленые кусты его съ розовыми метелками цвѣтовъ во время дальнѣйшаго пути не одинъ разъ ласкали нашъ взоръ среди дикой песчаной пустыни. Этотъ первый тамариковый тугай нѣсколько отличался отъ подобныхъ же тугаевъ, встрѣчавшихся впереди; почва ихъ была совершенно лишена какой-бы то ни было посторонней растительности, между тѣмъ какъ здѣсь почти вся площадь между кустами была покрыта красиво цвѣтущей верблюжьей колючкой *Algagi camelorum* и не менѣ красивыми кустиками другого мотыльковаго растенія *Spherophisa Salsula*; кое-гдѣ попадались высокіе стебли цвѣтущей *Althea*; вьющіеся крѣпкіе стебли *Cynanchum acutum* то здѣсь, то тамъ опутывали деревья тамарикса; на душистыхъ цвѣтахъ этого паразитнаго растенія въ изобиліи сидѣли красивые изумрудно-зеленые жучки *Chrysochaeres asiatica*; иногда пролетала красивая *Vannessa carhai* или одна изъ многочисленныхъ желтушекъ—*Colias*, въ отношеніи фауны этотъ тугай поразилъ насъ своей бѣдностью—птицъ было очень мало, насѣкомыхъ и пресмыкающихся тоже.

Съ дикой песчано-лессовой степью, также довольно обычной берегамъ Сыра, мы познакомились 3-го іюня, когда остановились на ночевку у холмовъ Сары-бель.

Унылая безотрадная картина; до самаго горизонта все окружающее пространство сѣро-землистаго цвѣта было либо совсѣмъ голо, либо покрыто кое-гдѣ одиноко торчавшими сухими пожелтѣвшими стеблями отмершихъ растеній, которыя являются полными жизни только въ мартѣ, апрѣлѣ и пожалуй еще въ срединѣ мая—послѣ чего все погибаетъ.

Порывистый з.-с.-з. вѣтеръ съ унылымъ свистымъ проносился мимо одинокихъ толстыхъ стеблей *Ferul*, нерѣдко надламывая ихъ у самой земли, подхватывая ихъ своими могучими крыльями и унося ихъ неизвѣстно куда, дѣлая поверхность степи еще болѣе пустынной и унылой. Лишь кое-гдѣ мнѣ удалось найти здѣсь плодущіе одинокіе экземпляры *Crotophora tintoria*, одинъ видъ *Heliotropum*, *Psoralea drupacea* крайне неприхотливаго и очень распространеннаго въ нашихъ степяхъ растенія и какой-то видъ *Poligonum*.

Невольно встаетъ въ памяти ночь, проведенная въ этомъ урочищѣ. Несмотря на сильный вѣтеръ, несущій много пыли и отчасти песку, мы идемъ ловить насѣкомыхъ на свѣтъ фанаря. Простыни укрѣпляемъ на землѣ, посыпая края ихъ пылью и придавливая углы кусками сухой глины; но вѣтеръ быстро заносилъ ихъ пылью, и время отъ времени мы вынуждены встряхивать ихъ, чтобы черезъ нѣсколько времени дѣлать опять то же самое.

Насѣкомыхъ почти никакихъ—Н. А. Зарудному удалось поймать только одинъ экземпляръ *Macrocephalus (Tetracha) euphratica*,—въ вѣтренную погоду уловы всегда были незначительны.

Колеблется пламя свѣчей въ фонаряхъ. Въ отдаленіи, гдѣ не такъ яркъ свѣтъ, проносятся безмолвные, еле уловимые глазомъ, тѣни фалангъ, но свѣтъ влечетъ ихъ къ себѣ и, будучи не въ силахъ противостоять искушенію, какая-нибудь изъ этихъ обитателей пустынь нѣтъ, нѣтъ да и пробѣжитъ вблизи фанаря черезъ бѣлое полотно, и снова расплывчатый силуэтъ ея мелькнетъ гдѣ-нибудь въ отдаленіи.

Гдѣ-то мѣрно раздается унылый звонъ разбитыхъ колоколовъ идущаго каравана верблюдовъ... Вскорѣ онъ проходитъ мимо насъ и люди, и животные съ удивленіемъ смотрятъ на необычную и странную картину стоящихъ на землѣ фанарей и ползающихъ вокругъ нихъ по бѣлымъ простынямъ человѣческихъ фигуръ..

Берега Дарьи въ общемъ низменные, либо голые, либо покрыты растительностью—тугаями, баттауковыми или рѣже камышевыми плавнями съ безчисленнымъ количествомъ клещей на нихъ.

Теченіе рѣки очень быстрое.

Часто на поверхности ея въ разныхъ мѣстахъ появляются рѣзко обозначенныя движущіяся снизу вверхъ массы воды, какъ будто какая-нибудь невидимая сила выталкиваетъ ихъ съ глубины и онѣ, достигнувъ поверхности и слегка вздуваясь, разливаются по ней во всѣ стороны. «Дарья разрабатываетъ дно»—говорили наши каючки. По всей вѣроятности эти частыя изверженія водяныхъ массъ съ глубины на поверхность дѣйствительно вызываются неровностями дна и ихъ размываніемъ.

Профессоръ Мушкетовъ объясняетъ это явленіе существованіемъ вихревыхъ движеній въ водныхъ массахъ въ зависимости отъ неравномѣрнаго нагрѣванія послѣднихъ.

Будучи вообще очень глубокой, эта рѣка то тамъ, то здѣсь образуетъ глинисто-песчанья отмели и острова.

Послѣдніе служатъ пристанищемъ многочисленнымъ пернатымъ обитателямъ Дарьи; на нихъ всегда безпокойно бѣгаютъ сотни различныхъ куликовъ: *Haemantopus*, *Hipsibates*, *Tatanius stagnitilis*, *Colidris arenarius*, *Tringa alpina*, *Hemantopus ostralegus*; тутъ же стоятъ по колѣна въ водѣ бѣлые съ плоскими и длинными носами колпики—*Platalca leucorodia*, одинокія сѣрыя цапли—*Ardea cinerea*, или неуклюжія птицы-бабы—*Pelecanus*; уткнувъ головы подъ крылья сидятъ разныхъ породъ утки: *Vulpesanser rutilla*, *Anas boschas*, *Anas ctipecta*, *Marmoretta marmorata*, и гуси; иногда пролетитъ пустельга—*Falco tinnunculus*, стая тиркушекъ—*Elanoides forficatus* или русанокъ *Othoradrius asiaticus*. Кое-гдѣ на неуклюже торчащихъ пняхъ и стволахъ, выброшенныхъ на берегъ деревьевъ, вздымается могучая фигура индійскаго орла—*Haliaeetus Macei*, который по наблюденіямъ Н. А. Заруднаго проводитъ у насъ въ Туркестанѣ все лѣто, гнѣздясь въ южной части Индостана. Рѣзво носятся надъ рѣкой разные виды чаекъ—*Sterna minuta*, *Sterna flavirostris tibetana*, *Larus rigibundus*, хохотунъ—*Larus ichthyaetus* и крачки—*Sterna anglica*. Громадное гнѣздовье послѣднихъ мы нашли на песчаномъ островѣ урочища Арпа-туккенъ. Съ громкими криками носилась въ воздухѣ вся ихъ колонія, штукъ въ 600—800, встревоженная нашимъ присутствіемъ.

На берегу прямо въ песокъ преимущественно на открытомъ мѣстѣ, а иногда подлѣ кустика осоки или камыша лежало отъ одного до трехъ пестрыхъ яицекъ различной окраски—бѣлыхъ, коричневыхъ или голубоватыхъ. Мы набрали два ведра этихъ яицъ—часть ихъ пошла на коллекцію, а часть для ѣды намъ.

Иногда мы проходили и мимо высокихъ, большей частью лишенныхъ растительности лессовыхъ яровъ, напримѣръ въ урочищѣ Кулама 6 іюня. Правый высокій берегъ этого урочища на своей поверхности покрытъ песками, которые вѣтромъ сносятся внизъ и образуютъ у подножія конусообразныя осыпи. Отвѣсный же яръ, обращенный къ Дарьѣ, сплошь усыянъ небольшими черными отверстиями, служащими гнѣздами для тысячъ стрижей *Upupa diluta*; эти небольшія, очень подвижныя птички то и дѣло вылетаютъ изъ своихъ жилищъ и быстро носятся надъ водой, ловя комаровъ

поденокъ и другихъ насѣкомыхъ. Красивыя сизоворонки—*Coracias garrula*, гнѣздящіяся въ глинистыхъ обрывахъ береговъ рѣкъ, вѣрные своимъ привычкамъ, выдѣлываютъ въ воздухѣ разныя упражненія, то кидаются съ высоты внизъ, то снова взлетаютъ вверхъ или же, быстро махая крыльями, безцѣльно носятся въ воздухѣ. Слышится воркованіе голубей—*Columbo fusca*, сидящихъ на выступахъ и углубленіяхъ берега.

Говоря о крутыхъ берегахъ Сыра, необходимо остановиться на крайне интересномъ обнаженіи склоновъ горъ Джаусугумъ-бель. Высокимъ—сажень въ 10—12 яромъ подходятъ они къ правому берегу Дарьи. Верхняя часть обнаженія состоитъ изъ толстыхъ слоевъ красной и лежащей подъ ней свѣтлой глины; ниже нихъ глинистые сланцы, еще ниже, какъ основаніе, песчаники; во всѣхъ пластахъ попадаются прослойки гипса, достигающія въ толщину 2—3 вершк., мѣстами залегаютъ конгломераты и прослойки или вѣрнѣе вкрапленія, повидимому, марганца. Лѣвѣе находится гора съ голубовато-зеленой глиной.

Бугристые пески и дюны особенно привлекали наше вниманіе своей наиболѣе оригинальной флорой и фауной.

И надо сказать, что они довольно часто то съ правой, то съ лѣвой стороны подходятъ къ рѣкѣ. 6 іюня, проѣхавъ урочище Кулама, мы около 5 часовъ вечера остановились на ночевку на правомъ берегу Сыра въ мѣстности Саръ-Туранга у подножья бархановъ, около небольшой туранговой роши (туранга это разнолистный тополь *Populus diversi folia*, но объ немъ рѣчь еще впереди). Я отмѣчаю это мѣсто такъ потому, что оно было особенно типично и интересно въ отношеніи растительности, такъ и въ силу сдѣланной нами здѣсь небольшой археологической находки. Бродя по западнымъ склонамъ бархановъ, мы обратили вниманіе на массу мелкихъ костей, лежавшихъ на поверхности твердаго слоя лессовой почвы обнажившагося небольшой террасой на этомъ склонѣ (бархана); здѣсь же валялись темныя глиняныя съ небольшими отверстіями черепки отъ какой-то разбитой посуды. Земля, на которой лежали кости и черепки, слегка чернаго цвѣта, мѣстами попадались небольшіе угольки. Къ сожалѣнію мы не захватили образцовъ земли и костей, черепки же собралъ нашъ спутникъ М. В. Лавровъ.

Быть можетъ, сдѣланная нами находка относится къ позднѣйшему

времени, но можетъ быть она представляетъ слѣды древняго погребенія—мелкія косточки, измельченныя кости человѣка и жертвенныхъ животныхъ, а черепки—куски погребальныхъ урнъ, разбитыхъ киргизами, надѣявшись найти въ нихъ драгоцѣнности; подобныя кости и черепки мы нашли еще въ одномъ мѣстѣ къ сѣ отъ перваго въ томъ же обнаженіи лесса. За отсутствіемъ времени, средствъ мы не могли производить раскопокъ, какъ и навести какихъ-либо справокъ, такъ какъ по близости не было никого, кто далъ бы намъ необходимыя свѣдѣнія...

Многочисленныя озера разбросаны то здѣсь, то тамъ по берегамъ Сыръ-Дарьи; они родныя дѣти ея. Разливаясь во время половодья, эта могучая рѣка на большія пространства затопляетъ всѣ низкія мѣста и тѣмъ поддерживаетъ существованіе старыхъ озеръ, даетъ жизнь новымъ, но большей части совершенно пересыхающимъ къ концу лѣта. Одни изъ озеръ расположены среди тугаевъ, другія среди солончаковъ, третьи со всѣхъ сторонъ окружены песками, напр. озеро Закъ-куль. По влажнымъ берегамъ растетъ камышъ *Phragmites communis*, иногда совершенно закрывающій доступъ къ озеру, *ranunculus sceleratus*, осоки, *mentha pratensis*, *tufolium pratensis*, *pi-retrum*, *plantago*, *medicago*, *xantium*, *Strumarium*, *Typha angustifolia*, *Litrum sslicaria*, въ самой же водѣ *Butomus umbellatus*, *Sagittaria sagittifolia*, *Kalnunculus natans*, *poliganum amfidium* и др. Характеръ растительныхъ формаций береговъ Сыра находится въ прямой и непосредственной зависимости отъ мѣстности состава почвы, присутствія воды. Флора дикой степи, покрытой слоемъ лесса, рѣзко отличается отъ флоры солончаковъ, бугристыхъ песковъ или представителей растительнаго царства прибрежныхъ тугаевъ. Подъ непрерывнымъ и въ то же время непреклоннымъ вліяніемъ этихъ внѣшнихъ факторовъ, совершался естественный отборъ растений, вырабатывались всевозможныя приспособленія для того, чтобы обезпечить существованіе въ будущемъ.

«Голова растений прибрежной полосы находится въ огнѣ, а ноги въ водѣ». Чрезмѣрное испареніе воды съ поверхности листьевъ этихъ растений и усиленное движеніе ея по стволу, несомнѣнно должны были сказаться на внутренней структурѣ ихъ; дѣйствительно, поперечные микроскопическіе срѣзы большинства представителей этой растительной формации, какъ *Populus diversifolia*, *Halimodendron*, *argenteum*, *salix* представляютъ собой на-

стоящее кружево отъ громаднаго количества пронизывающихъ древесину ихъ сосудовъ. Неоднократно упоминавшихся мной *Populus diversifolia* — разнолистный или ефратскій тополь достоинъ того, чтобы объ немъ поговорить особо. Тополь этотъ принадлежитъ къ числу оригинальныхъ формъ, распространенныхъ только въ полосѣ Азіатско-Африканскихъ пустынь. Профессоръ Красновъ такъ описываетъ это интересное растение: «Сѣрые листья нижней части узки и длинны и напоминаютъ по своему виду листья ивы; но пластинки ихъ стоятъ вертикально, какъ у Австралійскихъ Эвкалиптусовъ; выше они принимаютъ обратно-яйцевидную форму, напоминая листья тополя, и наконецъ еще выше они дѣлаются зубчатыми и походятъ на листья осины».

Флора солонцеватыхъ почвъ не менѣе своеобразна и оригинальна — здѣсь прежде всего необходимо отмѣтить наиболѣе типичное растение — *Halostachys cospica*, въ изобиліи покрывающее песчано-солончаковыя пространства; въ концѣ іюня, періодъ цвѣтенія, этотъ небольшой кустарникъ распылялъ такую массу цвѣтенія, что поверхность Дарьи покрывалась ея желтымъ сплошнымъ налетомъ; обычно тутъ-же растутъ *Atirplex* одинъ изъ кермеконъ *statice otolepis* и различныя солянковыя растенія, иногда попадаетъ чингиль, *Lycium* и *Tamarix*; — послѣдніе впрочемъ вмѣстѣ съ *Alhagi camelorum* *Capparis spinosa*, *Astragalus orbiculatus*, *Soebelia alopecuroides*, *Maseolmia*, *Peganum Harmala* и *dydophyllum Fabago* — являются наиболѣе типичными для супесчаныхъ почвъ, уплотнившихся благодаря остающемуся послѣ разливовъ рѣки илу или отъ сносимыхъ дождевыми потоками склоновъ возвышенностей мелкихъ глинисто-лессовыхъ частицъ. Растительная формация песковъ, бѣдная семействами, очень богата видами, — среди нихъ встрѣчаются виды, свойственные пустынѣ Африки Сахарѣ (напр. *Agriaphyllum*, *Aristida*, *Colligonum*). Вліяніе почвы и общихъ условій жизни и здѣсь накладываютъ свою руку на все живое и сказываются въ цѣломъ рядѣ, выработавшихся специфическихъ признаковъ и уклоненій. Песокъ, какъ извѣстно, легко пропускаетъ воду, не задерживая ее среди своей массы, да кромѣ того онъ въ высшей степени поддается иссушающему дѣйствію горячихъ вѣтровъ, поэтому атмосферная влага, просачиваясь черезъ толщи бархановъ, скопляется въ подстилающей основной почвѣ. Чтобы получить эту влагу, растенія песковъ должны обладать длинными корнями,

которые, проходя черезъ рыхлые верхніе слои, могли бы доставить имъ влагу съ большихъ глубинъ. Подобное явленіе дѣйствительно наблюдается среди флоры бугристыхъ песковъ, и какая-нибудь небольшая *Aristida pennata* имѣетъ корневую систему въ нѣсколько саженъ длины, такъ же какъ и крупный кустарникъ—*Calligonum*, который на протяженіи многихъ саженъ въ діаметръ пронизываетъ своими корнями барханы. Корни *Aristida pennata*, кромѣ своей длины, интересны еще тѣмъ, что они какъ бы вложены въ футляръ изъ сцементированныхъ песчинокъ и отмершихъ тканей; такое своеобразное приспособленіе предохраняетъ корень отъ изсушающаго вліянія почвы, и только самый кончикъ, проникающій во влажные внутренніе слои бархана, будучи свободнымъ отъ корочки, позволяетъ ему съ успѣхомъ исправлять свои функціи.

Для предотвращенія чрезмѣрнаго испаренія воды листьями—эти послѣдніе редуцируются въ колючки, еле замѣтныя чешуйки сильно сокращаются въ своихъ размѣрахъ или даже совсѣмъ исчезаютъ. Въ стебляхъ нѣкоторыхъ растений, напр. *Halloxylon Ammodendron*, *salsola subaphylla*, образуется толстая склеренхима, а въ тканяхъ, кромѣ того, особая *Wasserpangenchym*, сильно удерживающая воду. Къ концу лѣта подпочвенное орошеніе почти прекращается, и эти растенія живутъ тогда на счетъ запасовъ воды, находящихся въ ихъ тканяхъ; эти внутренніе запасы влаги позволяютъ имъ вплоть до сентября *сохранять* свой зеленый видъ, когда начинается процессъ затвердѣнія тканей, на фонѣ песка. Красиво выдѣляются своими серебристыми листочками колючіе кусты Куянь-Суюка *Ammodendron Karelini*; тутъ же растетъ *Astragalus confirmans* и *Salsola subaphylla* у подножія ихъ ютятся *Kochia*, *Aristida pennata*, *Horaninowia minor*, *Helitoropum*, *Acantopillum*, съ ея красивыми соцвѣтіями нѣжно розовыхъ цвѣтовъ и разныя виды *Salsola* напр. *S. Kali* или *sogdiana*. На кустахъ саксаула, сѣро-зеленныя нити котораго какъ-то грустно свѣшиваются внизъ, сидятъ или перелетаютъ съ одного растенія на другое крупныя изумрудно-зеленыя златки, *Sphenoptera*, видъ свойственный только одному саксаулу; тутъ же ползаютъ по его вѣткамъ небольшіе черныя жучки изъ рода *Phentiria*. На пескѣ, оставляя характерныя слѣды, кое-гдѣ копошатся большіе черныя жучки, изъ рода *Pimelia*. Послѣдніе въ большомъ количествѣ прибѣгали ночью къ намъ на свѣтъ фонарей и презабавно, точно куда-то спѣша, бѣгали

по бѣлымъ простынямъ или неподвижно стояли, поднявъ брюшко и смотря съ опущенной головой на огонь; изрѣдка вмѣстѣ съ ними приползали и другіе обитатели бархановъ—*Akus*-ы; но послѣдніе, повидимому, вообще избѣгали свѣта и предпочитали держаться или совсѣмъ вдали отъ насъ, или на разстояніи 2—4 сажень въ полусвѣтѣ; ихъ, какъ *pimelia*, мы ловили большей частью, бродя съ фонарями по барханамъ. Однажды на свѣтъ фонаря приползла ночная ящерица—*Ceratascincus Cinchus*, но при первой же попыткѣ поймать ее, она убѣжала и больше не показывалась. Днемъ въ пескахъ удавалось ловить ящерицъ *Eremias velox*, *Agama sanguinolenta* и др.

Саксаулъ—*Halloxylon ammodendron* прекрасно растетъ въ пескахъ и въ изобиліи покрываетъ склоны бугристыхъ песковъ. Но сплошные саксауловые лѣса намъ попадались на твердой такрыной или песчано-глинисто-солончаковой почвѣ, рыхлой подъ покрывающей ее сверху корочкой. Нога проваливается и вязнетъ, когда идешь по ней, и это обстоятельство въ связи съ разбросанными то здѣсь, то тамъ корявыми отмершими стволами саксаула дѣлаетъ хожденіе по этому своеобразному лѣсу крайне затруднительнымъ. Въ случаѣ же гладкой и твердой почвы такры итти наоборотъ очень легко. Странное, прямо таки фантастическое впечатлѣніе производитъ лѣсъ саксаула. Кривые, достигающіе нерѣдко почти 2-хъ сажень высоты стволы и свѣшивающіяся внизъ безлистные сѣро-зеленыя нити молодыхъ побѣговъ, напоминаютъ своимъ видомъ растительность какого-нибудь триасоваго періода и переносятъ мысль въ далекія геологическія времена.

Чтобы покончить съ растительнымъ міромъ побережій Сыръ-Дарьи, я хочу сказать нѣсколько словъ о постепенномъ развитіи тугаевъ и той борьбѣ за преобладаніе, которая невольно бросается въ глаза даже при поверхностномъ наблюденіи.

Образующіеся многочисленныя островки и отмели прежде всего покрываются высокой травой—«баттаукомъ» (*Imperata cylindrica*), по внѣшнему своему виду напоминающей дикій ячмень и пшеницу. Но вотъ среди этихъ баттауковыхъ плавней появляются кустики ивы, тамарикса, чинчила, джидды или тополя—каждое растеніе въ отдѣльности или въ различныхъ комбинаціяхъ другъ съ другомъ. Подчиняясь создающимся условіямъ, зависящимъ отъ уплотненія почвы, уклоненія русла рѣки на большее или меньшее разстояніе или, наконецъ, отъ появленія песковъ, мало-по-малу начи-

нають приобрѣтать перевѣсъ виды, наиболѣе приспособленныя къ данной средѣ. Въ конечномъ результатѣ появляется либо смѣшанный, въ довольно постоянныхъ сочетаніяхъ породъ, или однородный тугай. Среди послѣдняго иногда опрятливо стоятъ одинокіе представители другихъ вытѣсненныхъ породъ. Часто попадались прибрежныя террасы, расположенныя одна выше другой съ особыми представителями растительнаго царства на каждой изъ нихъ; между прочимъ, нѣкоторыя прибрежныя полосы съ уплотнившейся уже почвой были густо покрыты высокой солодкой *glicirhyza glabra* — промышленнымъ растеніемъ, которое ожидаетъ предприимчиваго чловѣка для своей эксплуатаціи...

На сырыхъ мѣстахъ вдоль берега или гдѣ-нибудь въ глубинѣ тугая мы нерѣдко находили едва проходимыя заросли кендыря *Arosynum Venetum*. Растеніе это распространено въ Европѣ по берегамъ Адриатическаго моря и въ Румыніи, оно захватываетъ южную Россію, Закавказье и Малую Азію, проникаетъ въ сѣверный Китай и доходитъ до Японіи.

У насъ въ Туркестанѣ *Arosynum Venetum* встрѣчается по островамъ и берегамъ Аральскаго моря, по рѣкѣ Сыру, въ Заравшанской долинѣ и въ Приилійскомъ краѣ. Такъ что, какъ видно, границы его распространения очень обширны.

Въ Приилійскомъ краѣ кендырь носитъ названіе Эма и весьма распространенъ, хотя и не воздѣлывается, а изъ дикорастущихъ въ степи стеблей его получается волокно, идущее преимущественно на приготовленіе веревокъ и рыболовныхъ снастей, т. к. оно весьма прочно и не боится сырости. На изготовленіе тканей волокно кендыря не употребляется. Приилійскіе киргизы Семирѣченской области тоже пользуются волокномъ кендыря для приготовленія веревокъ, охотно покупаемыхъ у нихъ казачьимъ населеніемъ области.¹⁾ Для той же цѣли собираютъ это растеніе и туземные жители береговъ Сыръ-Дарьи. Свойства кендыря, какъ прядильнаго растенія, извѣстны давно, — уже черезъ 5 лѣтъ послѣ покоренія нашего края волокна его были подробно изслѣдованы г. Зельгеймомъ и результаты сообщены въ засѣданіи 20 марта 1870 г. Русскаго Техническаго Общества.

¹⁾ Каталогъ Туркестанскаго отдѣла политехнической выставки. Москва 1872 г. стр. 33.

Считаю не безынтереснымъ сообщить ихъ.—«Стебель кендыря *Arosunum Venetum* имѣетъ въ сущности одинаковое строеніе со стеблемъ льна, но въ 5—6 разъ толще послѣдняго; кора, сравнительно, тоже очень тонкая, но лубовой слой развитъ еще болѣе, чѣмъ у льна. Изслѣдованіе волокна подъ микроскопомъ показало, что кендырь можетъ имѣть всѣ качества хорошаго прядильнаго матеріала; толщина стѣнокъ отдѣльнаго волокна указываетъ на его прочность, а длина его (до 2,5 и даже болѣе дюймовъ) и гибкость—качества весьма желательныя. Относительно значительную ширину отдѣльных волоконцевъ (отъ 0,02 до 0,04 т.т.) также нельзя считать особенно дурнымъ качествомъ, потому что при всемъ томъ они достаточно тонки и вполне годны для тонкой ткани, такъ нѣсколько десятковъ такихъ волоконцевъ, свернутыхъ вмѣстѣ, даютъ все-таки еще очень тонкую нить». Такимъ образомъ, 40 лѣтъ тому назадъ это растеніе было признано годнымъ для промышленныхъ цѣлей, но до сихъ поръ оно продолжаетъ обильно произростать только въ дикомъ состояніи, удовлетворяя лишь скромныя потребности туземцевъ.

Много лѣтъ тому назадъ жизнь была ключемъ по берегамъ Сыра. Рѣдкіе аулы и зимовки, уединенные базарчики, что попадались намъ въ пути, тѣ одинокіе каюки, нагруженные хлѣбомъ, что плыли внизъ по теченію и многочисленные стада барановъ, козъ, коровъ, лошадей и верблюдовъ по берегамъ, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что было когда-то. Два стихійныя нашествія XIII—XIV ст. Чингизхана и Тамерлана смели съ лица земли бывшую здѣсь культуру, и только широкіе высохшіе арыки, отходящіе въ разныхъ мѣстахъ отъ Дарьи, особенно на лѣвомъ берегу ея, указываютъ на существовавшую здѣсь когда-то хорошо развитую оросительную систему, да сохранившіеся кое-гдѣ въ видѣ развалинъ крѣпости и города съ своей стороны также молчаливо свидѣтельствуютъ намъ о быломъ. Въ урочищѣ Джуль-барсъ (14 іюня)—большой Кентъ-арыкъ тянется параллельно Сыру верстъ на 15. Недалеко отъ берега, покрытаго уплотненными дюнами, видны одинокіе песчаные курганы—быть можетъ, это тоже остатки древней жизни и культуры, засыпанные пескомъ. Дюны, идущія вдоль берега, поросли чингидемъ—*Hallimondenron argenteum*, тамариксомъ, *Lycium ruthenicum*; мало-по-малу онѣ переходятъ въ большой джиддовый тугай,

среди котораго выдаются какъ бы отдѣльные острова цвѣтушей тамариксовой поросли.

Чтобы возможно ближе подойти къ туманному прошлому, мы осматриваемъ находящіяся поблизости отъ рѣки развалины крѣпостей и городовъ — Чардара (5 іюня), Сюить-кентъ (8 іюня), Байры-кумъ (10 іюня) и Оксусъ (17 іюня). Постараюсь сдѣлать возможно краткое описаніе въ порядкѣ нашего осмотра.

Развалины крѣпости Чардара расположены верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ отъ берега, въ небольшой петлѣ, которую здѣсь дѣлаетъ Дарья. Крѣпость окружена небольшимъ наружнымъ валомъ и рвомъ, затѣмъ послѣ небольшой ровной площадки идетъ валъ со рвомъ, позади него, далѣе небольшой парпетъ, за которымъ слѣдуетъ валъ со рвомъ и, наконецъ высокій откосъ, по срединѣ холмъ, повидимому, остатки когда-то бывшихъ здѣсь построекъ; склоны рвовъ вѣроятно были облицованы плоскимъ жженымъ кирпичемъ, остатки котораго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились и до сего времени. Входъ въ крѣпость былъ одинъ съ с.-з., а другой съ с.-в. со стороны Дарьи. Въ западномъ углу крѣпости находится кладбище; нами были взяты отсюда двѣ мраморныя плиты съ надписями и жженный кирпичъ съ письменами; всѣ эти надписи были прочитаны въ Ташкентѣ, но, къ сожалѣнію, онѣ относятся къ нашему времени. Со стороны Дарьи съ ю на с. идутъ двѣ широкихъ канавы, снабжавшихъ водой древнихъ обитателей крѣпости, а можетъ быть и города, расположившагося около, рядъ большихъ холмовъ и арыковъ, лежащихъ на с.-з. отъ крѣпости, наводятъ на мысль о существованіи здѣсь города. Среди развалинъ нашли кости, черепа и ребра человѣка.

Отправившись на осмотръ развалинъ Сють-кента, мы прежде всего должны были перейти черезъ широкий ровъ, идущій отъ рѣки—очевидно остатки стариннаго бывшаго здѣсь оросительнаго, судя по величинѣ, центрального канала. Идемъ дальше; всюду встрѣчаются мелкіе черепки битой глиняной посуды, которые покрываютъ поверхность вспаханныхъ киргизами многочисленныхъ холмовъ; среди черепковъ находили обломки коническихъ сосудовъ, служившихъ, вѣроятно, для храненія жидкостей. Подходимъ къ самой крѣпости—это ни что иное, какъ большой холмъ, окруженный

довольно широкимъ ровомъ — сажень въ 10—12 ширины. Холмъ посрединѣ нѣсколько углубляется, и эта впадина кажется какъ бы обнесенной валомъ; послѣдній идетъ въ видѣ правильного квадрата (длина каждой стороны приблизительно 200 шаговъ), по срединѣ каждой стороны и на углахъ этого квадрата находятся выступы — вѣроятно, здѣсь были башенки. Здѣсь же, какъ и по дорогѣ, нашли нѣсколько черепковъ, костей человѣка не встречали.

Жженныхъ кирпичей очень мало — повидимому, киргизы растащили ихъ, какъ хорошій и притомъ бесплатный матеріалъ для постройки зимовокъ. На востокъ отъ развалинъ по направленію къ Дарьѣ идетъ высокій валъ со ровомъ — это сооруженіе является, на сколько можно замѣтить, продолженіемъ рва и вала окружающихъ крѣпость.

10-го іюня осматриваемъ курганъ Байры-кумъ. Издалека онъ кажется намъ очень большимъ и высокимъ, но чѣмъ ближе мы подходимъ къ нему, тѣмъ онъ становится ниже и ниже. Ровъ и валъ, сохранившіеся на восточной сторонѣ глиняной стѣной, окружаютъ крѣпость, далѣе идетъ небольшая площадка шаговъ въ 65—70, а за ней второй ровъ и валъ значительно большей высоты, чѣмъ первый, также заканчивающійся стѣной изъ сырцово-го кирпича, сохранившейся съ восточной стороны; среди остатковъ стѣны наружнаго вала сохранились небольшія башенки съ бойницами, помѣщающіяся на выступахъ вала, идущаго по ломанной линіи; толщина стѣны около 2 аршинъ.

Валъ сѣверной стороны также идетъ не по прямой линіи и имѣетъ видъ вытянутой буквы М. Площадка между I и II валами съ сѣверной стороны шире и возвышеннѣй, чѣмъ съ другихъ сторонъ; эта возвышенная терраса въ з.-ю.-з. части ближе къ крѣпости переходитъ въ довольно глубокую впадину, служившую вѣроятно водоемомъ.

Развалины Оксуса представляются наблюдателю удлинненнымъ холмомъ съ общимъ направленіемъ и пониженіемъ съ с.-с.-в. на ю.-ю.-з. Всюду масса черепковъ. Съ западной стороны находится углубленіе — по всей вѣроятности бывшее вмѣстилищемъ воды. Нашли три намогильныхъ мраморныхъ плиты; я сдѣлалъ съ нихъ снимки, но и въ этотъ разъ напрасно, т. к. надписи, на нихъ находившіяся, относятся къ нашему времени. Въ отдаленіи, верстахъ въ 3 на в. виднѣются ряды холмовъ и валы — остатки города,

туда мы не ходили, т. к. очень дорожили временемъ. Вокругъ крѣпости остатки прежней арычной системы, часть которой поддерживается и нынѣ и служить для орошенія находящихся здѣсь киргизскихъ воздѣлываемыхъ полей. Возвращаясь обратно, мы невольно обратили вниманіе на работу возившихся на своихъ поляхъ киргизъ. Работаютъ они, какъ сонные; потяпаетъ, потяпаетъ этотъ сынъ степей, да и постоитъ; копнетъ еще разъ, другой и снова отдыхаетъ—для чего даже ложится...

Но оставимъ всѣ эти могильные памятники и перейдемъ къ настоящему.

День за днемъ, хотя и медленно, но мы подвигаемся впередъ, минуемъ многочисленныя мазарки и мечети на берегахъ Сыра съ окружающими ихъ священными туранговыми рощами, проходимъ мимо переправъ-паромовъ и каюковъ, оставляемъ позади себя базарчики, зимовки, аулы киргизъ и, правда отрывочно, но знакомимся съ ихъ бытомъ.

На берегу стоятъ киргизы, мы окричиваемъ ихъ и спрашиваемъ названіе тугая или урочища, чтобы справиться по картѣ относительно нашего мѣстонахожденія; тѣ очень охотно и любезно отвѣчаютъ на вопросы, но бѣда, если они замѣтятъ, что мы записываемъ сказанное—больше отъ нихъ не добьешься ни слова; оказывается, что тогда они принимали насъ за чиновниковъ, которые переписываютъ тугаи и земли, чтобы потомъ отбирать у нихъ.

Неоднократно нашъ каюкъ принимали за плавучую лавочку и просили продать имъ чаю, папиросъ, водки, яблокъ или луку. Предпримчивый челоѣкъ могъ бы сдѣлать здѣсь хорошія дѣла.

Просьбы о піязѣ—лукѣ мы слышали ежедневно въ теченіе всего пути; и дѣти, и взрослые на всѣ лады повторяли намъ это слово, и бывали ужасно рады, если мы бросали имъ одну, другую головку. Это растеніе считается у нихъ, какъ намъ потомъ сказали, противолихораднымъ средствомъ. Отсюда видно, что лихорадка является здѣсь обычной болѣзнью и дѣлаются понятными ихъ настойчивыя просьбы луку.

Наличность лихорадокъ подтвердили встрѣтившіеся намъ 19 іюня въ урочищѣ Арпа уральцы; въ числѣ 5—6 родственныхъ семей они поселились здѣсь на правомъ берегу Сыра. Низкія и убогія избы служатъ имъ жилищемъ. Посмотрѣть со стороны—бѣдность кругомъ, нужда вопіющая, а

между тѣмъ они далеко не бѣдны—у нихъ 40—45 штукъ однѣхъ только коровъ, сливочное и сметаное топленое масло по 35—40 коп. они отправляютъ въ Туркестанъ, находящийся отсюда верстахъ 35, продаютъ молодыхъ быковъ, ловятъ рыбу, садятъ ее въ садки и осенью продаютъ скупщикамъ. Довольны они всѣмъ, одна бѣда—лихорадка; часто болѣютъ.

Съ киргизами живутъ мирно—другъ друга не обижаютъ. Среди уральцевъ я встрѣтилъ ихъ большого пріятеля типичнаго охотника киргиза—крупнаго мужчину съ небольшой и рѣдкой бороденкой и такими же усами; въ рукахъ у него небольшое старое одноствольное шомпольное ружье—длиной всего съ аршинъ; за поясомъ мѣдная пороховница.

Мѣстность, гдѣ поселились уральцы, довольно живописна.

Нашъ лагерь былъ на противоположной сторонѣ. Такъ какъ берегъ и его растительность мнѣ кажутся достаточно типичными, то я считаю не лишнимъ подробное описаніе. По берегу тянется узкая, сажени въ 3, полоса влажнаго лѣса, изрѣзаннаго массой трещинъ.

Очевидно бывшая здѣсь во время половодья вода только недавно сошла въ рѣку. Затѣмъ идетъ широкая полоса порослей ивой—*salix* по большей части *Tenuifolia* и баттаукомъ, которые смѣшиваются дальше съ молодыми кустами джидды—*Eleagnus hortensis*, *spinosa* и *angustifolia*, а еще дальше съ рѣдкимъ *Tamarix*-ом; среди послѣдней поросли остатки высыхающихъ озерковъ или вѣрнѣе разливовъ Сыра; еще дальше вглубь и вправо къ берегу по косой линіи идетъ густой старый тугай, поросшій крупными деревьями джидды, иногда смѣняющейся густыми зарослями ивы; въ серединѣ тугая попадаются довольно обширныя лысины, густо покрытыя солодкой *Hlycīrhisa glabra* съ рѣдкими кустиками того же *tamarix*-а и чингиля—*Hallimodendron Argenteum*. Всюду деревья перебиты вьющимися паразитными—*Cynanchum acutum*, *Clematis longicaudata* и *Calystegia sepia*. На красивыхъ звѣздообразныхъ цвѣтахъ—*Cynanchum* многочисленные жучки *Melabris eritrocephala* сѣрые, съ черными полосками, на солодкѣ и чингилѣ—черные хищные клопики изъ рода *Harpactor*-овъ; на чингилѣ кромѣ того попадались красивые красные съ черными пятнами у основанія элитръ дровосѣки—*Purpuricenus Jacobsoni* на ивѣ *oberea-oculata*, а вездѣ *Chrysochares asiatica* красивый жучекъ изъ семейства листоѣдовъ—*Cbrysomelidae*; по влажнымъ берегамъ просыхающихъ озерковъ и рѣки скачутъ *Cicindela*—изрѣдка изъ глубокихъ щелей

выползають *silpha*, въ прибрежной поросли убили зайца — *Zapus Lemani* — который также, какъ и фазанъ — *tasianus turcestanicus* въ изобилии встрѣчались во все время пути и составляли главную нашу пищу.

То здѣсь, то тамъ попадались чигири — приспособленія для подъема воды. Состоятъ они изъ большого погруженнаго нижней частью и вращающагося вокругъ оси колеса, къ которому по ободу прикрѣплены небольшія черпаки. Такъ какъ эти черпаки обращены отверстиями въ сторону движенія колеса, то при вращеніи послѣдняго они сначала наполняются водой, а потомъ опрокидываются въ находящійся сбоку желобъ. Киргизы пользуются этой системой, чтобы поднимать воду на высокіе берега для орошенія своихъ полей и бахчей. Въ урочищѣ же Кара-тюбе на лѣвомъ берегу Сыра (20 іюня) мы были поражены, увидя рядомъ съ чигиремъ прекрасно дѣйствующій насосъ. Большой трехдюймовый насосъ этотъ принадлежитъ бывшему члену Государственной Думы, теперь аксакалу Актюбинской волости, Телеули Аллабердинову. Гордый своей «культурностью» этотъ доморощенный культуртригеръ, по-русски и очень охотно давалъ намъ разъясненія. Стоимость насоса по его словамъ 760 руб.; размѣры орошаемаго прямоугольнаго поля 1000 шаговъ въ ширину и столько же въ длину, что, считая шагъ за 1 аршинъ, составляетъ немного меньше 47 десятинъ.

Двигательная сила — верблюды. Маленькая подробность: для того, чтобы верблюды самостоятельно ходили кругомъ, имъ завязываютъ глаза. На орошаемомъ участкѣ Аллабердиновъ засѣваетъ хлопокъ, кукурузу, кунжутъ, насаждаетъ бахчи; обработка стоитъ очень дешево, такъ какъ рабочія руки цѣнятся ни во что; земля хорошая, потому, по его словамъ, хлопокъ у него хотя посѣянь мѣсяцемъ позже, чѣмъ въ Ташкентѣ, но ни сколько ему не уступаетъ. Ожидаетъ большихъ барышей.

Если мы останавливались вблизи аула, то къ нашему каюку одинъ по одному приходили любопытные киргизята, а вслѣдъ за ними не менѣе любопытныя туземныя дамы. Получивъ отъ насъ сахару, монпасье или луку, они въ благодарность несли кто что могъ: пѣялу козьяго или коровьяго молока, кусочекъ масла, 2—3 яйца; денегъ они за это не брали и намъ приходилось еще разъ давать имъ лакомствъ или двѣ — три пѣялы ухи, которую они частью сѣдали здѣсь, частью уносили къ себѣ въ аулъ. Дѣло обыкновенно кончалось тѣмъ, что приходили киргизы и разгоняли своихъ

женъ по кибиткамъ. Когда же мы покупали съѣстные продукты, то намъ приходилось платить за масло 35—40 коп. за фунтъ, а за яйца 25 коп. за десятокъ. Цѣны у нихъ, повидимому, регулируются базарами, гдѣ скупщики забираютъ ихъ скромные товары и потомъ поставляютъ въ сосѣдніе города.

Иногда киргизы просили насъ спасти ихъ отъ кабановъ, которые, появляясь ночью большими выводками на поляхъ, травятъ ихъ хлѣбъ. Но ночная охота никому изъ насъ не улыбалась, ни у кого не было желанія отдавать себя на съѣденіе комарамъ, которые, несмотря на всевозможныя средства — до дегтя и скипидара включительно — ѣли насъ немилосердно, — особенно послѣ заката солнца. Въ густой же чаще тугаевъ нерѣдко и днемъ приходилось страдать отъ этихъ назойливыхъ и непріятныхъ насѣкомыхъ. И не только люди, но и собаки страдали отъ нихъ. Не захвати мы съ собою пологовъ, намъ нельзя было бы путешествовать; только это прекрасное сооруженіе позволяло намъ спокойно спать и не бояться летучихъ враговъ; отъ ползающихъ же непріятелей мы спасались, посыпая кругомъ своей постели нафталиномъ или поливая скапидаромъ. Однако я нѣсколько уклонился въ сторону. Жалобы на вредную дѣятельность нечистыхъ и запыщенныхъ для ѣды Магометомъ животныхъ намъ приходилось слышать очень часто. Однажды вечеромъ (25 іюня), немного ранѣе солнечнаго заката, мы остановились на ночевку въ урочищѣ Уймакты; съ противоположнаго берега киргизы стали звать насъ помочь имъ вытащить изъ ямы попавшую туда чушку. Пообѣдавъ, двое изъ нашихъ людей садятся на лодку и часа черезъ два возвращаются, привезя съ собою трупъ, недавно еще живого, а теперь задушеннаго ими поросенка. Оказывается, они къ восторгу киргизъ петлей вытащили его изъ ямы, да такъ и волокли до берега, въ результатѣ поросенокъ задохнулся и околѣлъ. Не желая терять столь лакомаго блюда, мы распорядились о томъ, чтобы его осмолили и «разняли», а на слѣдующій день ѣли изъ него вкусное жаркое.

На низменныхъ мѣстахъ, поросшихъ высокой и густой травой — батаукомъ, намъ попадались киргизы, косившіе сѣно; копны его то тамъ, то здѣсь стояли по берегамъ. Но впрочемъ запасовъ, которые они дѣлаютъ, не хватаетъ на зиму, и скотъ часто дохнетъ отъ безкормицы.

Кромѣ занятій земледѣліемъ, скотоводствомъ и охотой, нѣкоторые

киргизы не чужды и рыболовства, у одного изъ такихъ туземныхъ рыболововъ мы купили однажды великолѣпнаго громаднаго усача, — *Barbus conopsephalus*, — указываемаго Л. С. Бергомъ, какъ на наиболѣе распространенную форму для Сыръ-Дарьи. О русскихъ же рыбакахъ профессионалахъ и говорить нечего. Громадную ватагу ихъ мы встрѣтили 12-го іюня у озера Кокъ-Куль. Они приняла насъ за надсмотрщиковъ за рыбными промыслами и были сильно напуганы, — такъ какъ рыбная ловля въ это время еще не разрѣшалась. Отдѣльные же рыболовы и небольшія ватаги ихъ попадались чуть не на каждомъ озерѣ, а также и на самой рѣкѣ, въ мѣстахъ, удовлетворяющихъ этой цѣли. Недалеко отъ Перовска мы разминулись съ рыбаками-уральцами, которые на маленькихъ парусныхъ лодочкахъ поднимались вверхъ по рѣкѣ. И среди скрипа чигирей, среди дикой заунывной пѣсни киргиза и такой же туркестанской природы на насъ сразу пахнуло Россіей. . . .

Одного типичнаго старика уральца, десятки лѣтъ промышлявшаго рыболовствомъ, я снялъ въ его сиротливомъ шалашѣ на берегу озера Итаякъ. Рядомъ съ нимъ 14-лѣтній сынъ, — помогающій отцу въ работѣ. . . .

Попутно мы слѣдили и за состояніемъ погоды, записывая температуру воздуха на рѣкѣ въ разные часы дня и наблюдали за смѣной вѣтровъ. Наиболѣе холоднымъ было утро 5-го іюня, когда на разсвѣтѣ термометръ показывалъ $+5,5^{\circ}\text{R}$; самая высокая температура наблюдалась 13-го іюня въ 2 часа дня $+29^{\circ}$ во время стоянки у берега при в.-с.-в. вѣтрѣ, а также 11 іюня въ 1 часъ дня $+28,5^{\circ}$ также при довольно крѣпкомъ с.-с.-в. вѣтрѣ. Наиболѣе жаркимъ по своей средней температурѣ было 9-ое іюня при безоблачномъ небѣ и при сильномъ с.-с.-в. вѣтрѣ въ продолженіи почти всего дня и всей ночи. Привожу температуру этого дня: 5 ч. утра $+16^{\circ}$, 7 ч. $+20^{\circ}$, 12 ч. $+26^{\circ}$, 4 ч. $+26,5^{\circ}$, 6 ч. $+25,5^{\circ}$, 7 1/2 ч. $+24^{\circ}$. Средняя температура дня $+23^{\circ}\text{R}$. Указанныя температуры относятся, какъ я уже сказалъ, къ рѣкѣ; что же касается береговъ, то тамъ было много жарче, — особенно въ густыхъ тугаяхъ. Подъ вліяніемъ громадной солнечной инсоляціи почва на-колялась до 40 съ лишнимъ градусовъ, и застаивающійся тамъ воздухъ въ свою очередь нагрѣвался до того, что съ трудомъ позволялъ дышать. Даже собаки и тѣ изнывали отъ жары; тяжело дыша съ высунутыми влажными языками онѣ, пробѣжавъ нѣсколько десятковъ сажень, ложились на ми-

нуту подъ жалкую тѣнь безлистныхъ кустовъ тамарикса и саксаула или колючаго чингиля, чтобы черезъ 10—12 минутъ повторить то же самое. Даже въ сыпучихъ пескахъ было не такъ жарко, такъ какъ густыя заросли не препятствуютъ тамъ движенію воздуха, хотя и слабому, но достаточному для того, чтобы не позволять ему застаиваться.

Что касается вѣтровъ, то они дули въ продолженіи всего пути, за- тихая на 3 дня, — 18, 19, 20 іюня, на 4 дня 27, 28, 29, 30 іюля и съ 6 іюля до окончанія путешествія 10-го іюля. Такимъ образомъ они насъ беспокоили главнымъ образомъ въ началѣ путешествія.

Если прослѣдить направленіе вѣтровъ по днямъ, то можно установить нѣкоторую систематичность въ ихъ направленіи. Сначала въ первую половину дня дули ю.-ю.-з. вѣтры, которые послѣ полудня переходили въ з.-с.-з. или с.-с.-з. (такъ было 1, 2, 3 и 5 іюня); затѣмъ 6 и 7 іюня утренній с.-з. вѣтеръ послѣ полудня переходитъ въ с. или сохраняетъ прежнее направле- ніе и, наконецъ, начиная съ 8-го іюня въ теченіе всего дня непрерывно дули с.-с.-в. или с.-в. вѣтры, въ рѣдкихъ случаяхъ на 1—2 часа смѣняв- шіеся з.-с.-з. или с.-с.-з. вѣтрами по утрамъ (8, 10, 14, 23 іюня) или въ теченіе дня (9, 13, 15 іюня и 4-го іюля). Сопоставляя сказанное, можно за преобладающее направленіе вѣтра признать с.-с.-в., что совпадаетъ съ на- блюденіями Мушкетова, который въ жаркое и сухое время года, то-есть лѣтомъ и осенью считаетъ этотъ вѣтеръ господствующимъ въ данной мѣст- ности.

Будучи первоначально слабымъ или среднимъ, вѣтеръ иногда крѣпча- етъ или даже переходитъ въ довольно сильный порывистый или равномѣр- ный ураганъ, несущій массу пыли и песку. Тогда вздувалась Дарья, подни- малась сильная волна, которая била насъ каюкъ о берегъ, грозя ему по- гибелью; крупныя брызги воды перекидывались черезъ бортъ, мочили насъ и наши вещи; иногда порывы вѣтра срывали шапку съ головы или что ни- будь изъ одежды, лежавшей на скамейкѣ, и долго потомъ приходилось от- воевывать ихъ у разбушевавшейся стихіи. Само собой разумѣется, что итти въ такую погоду было нельзя; мы причаливали къ берегу, крѣпко привя- зывали нашъ самоходъ къ берегу и оставались. Часто по берегамъ были видны пыльные, высоко поднимающіеся вихри; изрѣдка на горизонтѣ свер-кала молнія, слышался очень отдаленный громъ, но настоящей грозы не

было. Небольшой дождикъ раза четыре слегка помочилъ насъ, но онъ былъ настолько непродолжителенъ и слабъ, что большихъ неприятностей намъ не причинилъ.

Какъ я сказалъ еще въ началѣ, мы предполагали за два мѣсяца добраться до Арала; но уже съ первыхъ же дней нашего путешествія выяснилось, что этотъ планъ не выполнимъ. Съ одной стороны мы не могли сокращать наши остановки для экскурсированія по берегамъ,—ибо въ такомъ случаѣ путешествіе приняло бы другой характеръ, съ другой же стороны движенію сильно препятствовалъ вѣтеръ; благодаря этимъ обстоятельствамъ было рѣшено, добравшись до Перовска, тамъ обсудить дальнѣйшій маршрутъ: ѣхать ли для сокращенія времени по желѣзной дороги до станціи Аральской море, и пробывъ тамъ недѣли двѣ, закончить наше путешествіе или же совершенно измѣнить конечный пунктъ, проѣхавъ въ Мугоджарскіе горы.

10-го утромъ дѣлаемъ послѣдній переходъ, направляясь въ Перовскъ. Не доѣзжая 6—7 верстъ до горы, мы увидѣли надъ нами на горизонтѣ, какую-то черную тучу, все время бывшую въ движеніи и шедшую по направлению къ намъ. Первой нашей мыслью было, что это идетъ буря; но прошло полчаса, и мы должны были сознаться въ своей ошибкѣ:—черная туча оказалась—саранчей *Oedipoda migratoria*, въ колоссальномъ количествѣ летѣвшей съ с.-з. на ю.-в. Проходитъ немного времени,—саранча пролетаетъ надъ нами черезъ Дарью и сплошной массой садится на правомъ берегу ея, на поля и бахчи окрестныхъ киргизъ. Врагъ былъ многочисленъ и грозилъ погубить всѣ труды ихъ рукъ. Надо было бороться. Жалкія и оборванные встали на защиту своего добра дѣти степей. Обычай выработалъ испытанный способъ борьбы съ этимъ бичемъ Божьимъ: только громкимъ шумомъ, криками и стукомъ прогнать его. И вотъ всѣ, кто только ходить можетъ, и дѣти, и старики, и женщины, и мужчины—всѣ бѣгутъ на поля. И кричатъ, надрывая грудь, и стучатъ палками въ старыя ведра и листы желѣза, машутъ длинными вѣтками. Своеобразный шумъ крыльевъ летящей саранчи сливается съ дикими воплями людей и дребезжащими какими-то надорванными звуками ржаваго желѣза; все это—вмѣстѣ съ потускнѣвшимъ свѣтомъ солнца создавало картину ужасную по своему отчаянію, трагическую по своей простотѣ. Мы вылѣзли на берегъ, чтобы руками,

глотками и ружьями принять участіе въ общемъ бою. Скоро врагъ не выдержалъ вооруженнаго сопротивленія и отступилъ, или вѣрнѣе полетѣлъ дальше, чтобы снова попасть на другія менѣе защищенные поля. Наконецъ, мы въ Перовскѣ, по волѣ судьбы оказавшемся конечнымъ пунктомъ экспедиціи. Н. А. Зарудный, жаловавшійся послѣднее время на разыгравшійся отъ сырости ревматизмъ, почувствовалъ себя настолько плохо, что врачъ запретилъ ему дальнѣйшее путешествіе и отправилъ для леченія въ Дусаллабадъ, я же получилъ телеграмму, вызывавшую меня къ больной женѣ. Такъ неожиданно окончилось это интересное полуторамѣсячное путешествіе, давшее намъ возможность побывать вблизи къ природѣ и познакомиться съ любопытными мѣстами родного Туркестана.

Д. Люшинъ.

32	4	снизу	карьерою	разстояніе
16	11	—	раньше и дальше	карьерою
17	18	—	и въ концѣ	раньше и дальше
23	3	—	скоро	и 2) въ концѣ
26	3	—	на стоянкахъ	(около)
29	8	—	съ цунгоу въ Алашань	на столько, насколько
41	3	сверху	Географическаго	съ цунгоу въ Алашань
46	10	снизу	кристаллическаго	Географическаго
46	9	—	наветренныхъ	кристаллическаго
47	14	сверху	Байсуна-Ту	наветренныхъ
47	7	снизу	вблизи ея	Байсуна-Ту
48	9	сверху	близъ	вблизи ея
49	8	—	поврежденъ	близъ
49	14	снизу	слабѣе	поврежденъ
49	8	—	приближенъ	слабѣе
50	13	сверху	и при Анджанскомъ	приближенъ
50	19	снизу	Сильные удары	и при Анджанскомъ
50	15	—	по отношенію	Сильные удары
51	3	сверху	сводится	по отношенію
53	8	—	въ глубь	сводится
55	12	—	Сантаросъ и Тулалонъ	въ глубь
56	3	—	перспектива	Сантаросъ и Тулалонъ
57	9	снизу	ощущается что	перспектива
59	2	сверху	что бы	ощущается что
60	16	сверху	которымъ	что бы
61	6	—	была и Даманба	которымъ
63	18	—	ожиданъ	была и Даманба
65	7	—	применено	ожиданъ
66	5	—	сближенъ	применено
				сближенъ

Стр.	Строка	Напечатано	Слѣдуетъ
67	18	сверху	хлопководство
67	4	снизу	завоевая
68	6	—	врасплохъ
69	15	сверху	низка
69	5	снизу	большими
70	1	сверху	Виргеніи
70	17	—	долларовъ
70	6	снизу	многочисленные
70	2	—	хлопководства, выводъ
71	3	сверху	фарбикъ
73	10	сверху	хлопокъ, затѣмъ
73	15	—	различные
74	12	—	воздѣ
74	12	снизу	Америкѣ
75	15	сверху	покрайней
75	3	снизу	Антическихъ
76	6	—	опасность
78	8	сверху	вопросъ почему
78	8	снизу	мѣсто нахожденіе
79	6	—	сверху и
80	13	—	Браге и благодаря
80	2	—	діопра
81	4	—	инструментъ
82	1	—	области и я
83	6	—	Археологическое и
84	7	сверху	развалинъ 29 мая
85	1	снизу	тамъ
88	13	снизу	пескъ преимущественно
89	2	сверху	вѣрные
90	13	снизу	мѣстности состава
90	1	—	diversifolia
92	13	—	тканей, на фонѣ
96	5	сверху	Сюитъ-кентъ
101	11	—	чаще
101	17	—	скипидаромъ
102	4	снизу	накалялась
103	5	—	сабой
104	11	сверху	дороги
104	12	—	Аральской
104	14	—	Мугоджарскіе